

Алевтина

Цветкова

кандидат филологических наук,
профессор Павлодарского
государственного университета

РУССКАЯ УСТНАЯ НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА КАЗАХСТАНА

(по материалам публикаций М. М. Багизбаевой)

Планомерным исследованием русского фольклора Казахстана начали заниматься с 70-х годов прошлого века фольклористы Казахского национального университета. Результатом стали публикации, заметное место среди которых занимают сборники, подготовленные М. М. Багизбаевой [1, 2]. Данные работы дают представление о жанровой системе, об основных темах, сюжетах, мотивах и специфике бытования фольклора в Семиречье и Восточном Казахстане. В настоящей статье на материале сборников М. М. Багизбаевой проводится анализ специфики бытования русской нескazoчной прозы Казахстана. В качестве контрольного материала привлекаются тексты, записанные в Северном и Центральном Казахстане, из фольклорных архивов Павлодарского государственного педагогического института, Евразийского национального университета, Кокшетауского государственного университета.

К жанрам нескazoчной прозы принято относить прежде всего былички, легенды и предания. В сборнике «Фольклор семиреченских казаков» [1] в разделе «Былички, страсти, побывальщины» представлено 12 текстов, в разделе «Предания, легенды, притчи» – 5 текстов. В сборнике «Русский фольклор Восточного Казахстана» [2] в разделе «Былички, бывальщины» дается 74 текста, а в разделе «Предания, легенды, притчи» – 7 текстов.

Особенности фольклорной традиции вторичного формирования, по утверждению Ю. И. Смирнова, определяются такими факторами, как местоположение русской локальной традиции, время совместного проживания русского и иного этносов, демографическое состояние, степень культурной адаптации к местным природным условиям, конфессиональная принадлежность [3; 22]. Факторами, отражающимися на своеобразии фольклорной традиции, являются также история заселения края и тип хозяйственной деятельности.

Семиреченское казачье войско формировалось с середины XIX столетия и состояло в основном из сибирских казаков. Русское население Восточного Казахстана, как пишет М. М. Багизбаева, представляет собой своеобразный этнографический конгломерат: раскольники; беглые каторжане; казаки, населяющие станицы Иртышской и Бухтарминской линий, начиная с XVIII века; крестьяне, спасавшиеся от религиозных преследований, рекрутской повинности и крепостного гнета в горах; крестьяне, переселившиеся в Казахстан в XIX веке в результате аграрной реформы

царского правительства [2; 4–5]. Славянский фольклорный репертуар был принесен в Казахстан переселенцами самых разных регионов, однако на его основе формируется фольклорная традиция, отражающая жизнь народа в новых условиях.

Как можно заметить, из жанров несказочной прозы наиболее активно в Семиречье и в Восточном Казахстане бытуют мифологические рассказы. М. М. Багизбаева называет их «былички, бывальщины, страсти, побывальщины». В современной науке для обозначения мифологической прозы чаще всего используются предложенные Э. В. Померанцевой термины «быличка» и «бывальщина». Быличка «соответствует понятию “суеверный меморат” и отличается бесформенностью, единичностью, необобщенностью» [4; 275], а «бывальщина, то есть фабулат, включает в себе обобщенное повествование, чаще всего говорящее о столкновении с потусторонним миром не самого рассказчика или хорошо известного ему лица, а обобщенного героя: одного мальчика, одной старухи» [5; 65]. На наш взгляд, принципиальной разницы между быличкой и бывальщиной нет, поэтому мы придерживаемся точки зрения В. П. Аникина, рассматривающего быличку как единый жанр, а под бывальщиной понимающего рассказ о случае, имевшем место в реальной действительности, но отличающемся от обыденного течения событий, то есть бытовой рассказ из жизненного опыта рассказчика, не связанный с мифологическим персонажем [6; 138].

Большинство известных указателей сюжетов и мотивов быличек строится по персонажному принципу [7, 8]. По этому же принципу чаще всего располагается материал в сборниках текстов. Представители «чужого мира» имеют ряд общих функций (показываются, пугают, меняют облик, предвещают несчастье/судьбу, наказывают, преследуют, вступают в контакт, губят, исчезают), однако с каждым мифологическим персонажем связаны и конкретные архетипические знания. Исходя из этого, даже если персонаж не называется в устном рассказе, его можно легко определить по внешнему облику, месту и характеру действия. В публикациях М. М. Багизбаевой тексты не классифицируются по функциям персонажей и расположены в свободной последовательности, но в процессе их анализа мы все же предпринимаем классификацию.

В сборнике «Фольклор семиреченских казаков» из 12 текстов 6 представляют собой былички о черте, 2 – о домовом, 2 – о ведьме, 1 – о русалке и один текст (№ 12) не является быличкой, поскольку в нем отсутствует мифологический персонаж. Более показателен сборник «Русский фольклор Восточного Казахстана». В этом регионе особой активностью бытования отличаются былички о людях, обладающих сверхъестественными способностями (о ведьмах и колдунах).

На первом месте по степени популярности находятся былички о ведьмах, что, по нашим наблюдениям, характерно и для Северного, и для Центрального Казахстана. Ведьма в быличках Восточного Казахстана называется колдуньей, ведьмой, волхой. В быличках Северного и Центрального Казахстана ведьма, даже известная всем, не называется по имени, часто у нее есть прозвище. В Восточном Казахстане персонаж может называться по имени (Ксения, Анна Северьяновна). Однако чаще в казахстанских быличках она называется: «одна девушка», «женщина», «соседка», «одна бабушка», «бабка», «старуха». В рассказе обычно не дается полного портрета ведьмы, в нем выделяются детали, сигнализирующие о принадлежности к «чужому»: «...В первом часу ночи идет женщина в белом платье, длинные волосы, за спиной распущены косы и с ведром» [2; 422, № 50]. Или: «Гришка шел да и глянул за навес. А на том колесе ведьма крутится, только волосы развеваются» [2; 418, № 40]. Белый

цвет одежды способствует созданию образа представителя иного мира, «волосы также ассоциируются со средством, при помощи которого осуществляется связь с иными мирами» [9; 112]. Ведьма может обнаружить себя, нарушая общепринятые нормы поведения: «...Только вот люди стали замечать, что когда новая жена молится, то все рукой в сторону машет, словно от чертей отмахивается. Ну и решили, что она колдунья» [1; 194, № 3].

В большинстве мифологических рассказов Восточного, Северного и Центрального Казахстана ведьмой является старая женщина. Нередко это соседка, мать или бабушка героя, которая скрывает свои способности и разоблачает себя или разоблачается в ходе описываемых событий: «...Один парень, что половчее был, оседлал ее, схватил за уши и говорит: “Вези, куда повезешь”. Телка побежала по дороге, он ей кончик уха отрезал. Возле своих ворот телка скинула парня, а сама в дом вбежала. Он следом вошел и увидел: на печке сидит волха с отрезанным ухом» [2; 415, № 32]. Или: «На одного напала черная кошка. Он схватил топор и отрубил ей лапу. На следующий день прошел по деревне и увидел: у одной старухи рука отрублена» [1; 196, № 9].

Характерная способность персонажей, обладающих сверхъестественными способностями, – оборотничество. В Семиречье и в Восточном Казахстане ведьма может принимать облик собаки, свиньи, коровы (телки), сороки, колеса, кошки, вороны, овчины, огненного шара (обличья названы по степени убывания). Можно заметить, что персонаж превращается в животных, обитающих в регионе. В Восточном Казахстане наиболее часто встречается превращение в собаку, тогда как в Центральном и Северном – в кошку.

Мотив превращения ведьмы в собаку широко распространен в публикациях XVIII–XIX веков (М. Д. Чулков, Д. Н. Ушаков, В. Н. Добровольский, В. И. Даль). Собаке народные поверья приписывают двойственную роль: с одной стороны, она обладает вещим знанием и способностью отгонять нечистую силу; с другой – нечистая сила (черт) охотно принимает вид черной собаки [10; 57]. Несмотря на то что со свиньей в народе не связано никаких поверий, как в Восточном, так и в Северном Казахстане активно бытуют былички с общерусским мотивом «Ведьма превращается в свинью». В Восточном Казахстане выявляются мотивы, распространенные в общерусской традиции, а в Северном и Центральном Казахстане – фиксируемые в единичных записях («Ведьма превращается в сороку»). В Восточном Казахстане и в Сибири бытуют былички с сюжетным мотивом «Ведьма летает, обернувшись сорокой». В Северном и Центральном Казахстане ведьма летает в своем (людском) облике. Думается, причиной бытования данного мотива можно считать близость Алтайского края. В целом круг мотивов, связанных с оборотничеством персонажа, устойчив (сюжеты даются в вариантах), однако в коллекции мифологических рассказов Северного и Центрального Казахстана количество обличий ведьмы значительно шире, что можно объяснить более пестрым составом славянского населения.

В основе большинства быличек Восточного Казахстана и Семиречья лежат мотивы-инварианты «Ведьма вредит в крестьянском хозяйстве» (выдает молоко чужих коров), «Ведьма вредит человеку», «Ведьма преследует человека», «Ведьма тяжело умирает», «Ведьма боится первого и последнего». Вариативность сюжетов с названными мотивами говорит о том, что они общеизвестны, но, как видим, состав их ограничен. По нашим наблюдениям, в Северном и Центральном Казахстане круг сюжетов быличек о ведьме шире, и они бытуют в многочисленных вариантах.

Локальной особенностью является широкое распространение в Восточном Казахстане устных рассказов о колдуне. В фольклоре Северного и Центрального Казахстана они составляют лишь 3% от общего числа известных текстов, и большая часть их записана от переселенцев из Сибири, с Алтая, из других регионов России и Украины. Персонаж может называться колдуном, а может и не называться, в этом случае в рассказе содержится характеристика, которая подчеркивает его сверхъестественные способности: «Раньше были люди в деревне, которые могли наговаривать болезни, напасти, смерть. Знали они какие-то слова. В нашей деревне одна девка не пошла замуж за парня, у которого отец знал эти слова, а вышла за другого. Во время венчания в церкви она ревмя ревела и сама не знала, почему...» [2; 416, № 35]. Колдуны, как правило, действуют в людском облике, в публикации выявляются лишь два мотива оборотничества: «Колдун превращается в свинью», «Колдун превращается в колесо». В быличках Северного и Центрального Казахстана колдун совершает не только зловердные действия, но и выступает защитником справедливости, что иллюстрируется сюжетными мотивами «Колдун не позволяет человеку красть», «Колдун заставляет человека вернуть украденное». В Восточном Казахстане действия колдуна по преимуществу зловердны.

Наиболее распространен мотив «Колдун портит свадьбу» [2; № 8, 30, 35, 37, 60]. Зловердные действия колдуна совершаются именно на свадьбе, потому что во время совершения обряда регламентировалось поведение его участников. Нарушение ритуальной (обрядовой) нормы (неприглашение колдуна на свадьбу, непочтительное отношение к нему) вызывает вредительство со стороны персонажа: «Была свадьба. Едут молодые. Сидит старик на дороге. Молодые старику не поклонятся, и он испортит эту свадьбу...» [2; 416, № 37].

Как в общерусской традиции, так и в Казахстане известен мотив «Колдун соперничает с колдуном» (в указателях он формулируется «дока на доку») [8; 74]. В сборнике «Русский фольклор Восточного Казахстана» опубликован текст, записанный в 1982 году в городе Лениногорске от Ф. А. Блинова, 1920 г. р.: «В Заубинке жили два мужика. Один из них умел колдовать. Однажды они поспорили, кто из них порчу снимает. Пошел один в погреб и принес редьку, очистил ее, что-то пошептал над ней, и она почернела. Отдал ее другому и попросил вылечить, т. е. сделать так, чтобы она снова стала белой. Не смог тот мужик вылечить редьку. Тогда взял ее сам колдун, прошептал что-то над ней, снова стала редька белой» [2; 413, № 26]. С незначительными изменениями вариант данного сюжета был записан в 1979 году в селе Константиновка Арыкбалыкского района Кокчетавской области от Я. А. Беккер, 1959 г. р.: «Была у нас свадьба. Два старика умели оба создавать. Один говорит: “Я больше тебя знаю”. А другой: “Нет, я больше тебя знаю”. А первый говорит: “Ну, раз ты больше знаешь, хозяйка, принеси нам редьку”. Выбрала такую редьку, большую, белую. Он говорит: “Сделай, чтобы редька была черная”. – “А как я сделаю?” – “Ну, сделай, и я сделаю”. Что-то пошептал, пошептал, редька стала чернеть и стала черная, как головешка. “А вот теперь сделай ее обратно белой”. Тот говорит: “Я не могу”. А он опять наговорил – редька белеет, белеет и сделалась белая, как была» [11; 90, № 103]. Данные тексты приведены в полном объеме, так как демонстрируют распространенность сюжета, механизм его варьирования и устойчивость фольклорной традиции.

Рассказы о домашних духах в публикациях М. М. Багизбаевой представлены быличками о домовом. Большинство из них по форме является меморатами, что свидетельствует об актуальности отраженных в них поверий. Мифологический

персонаж называется информантами «домовой», «хозяин», «соседка». Портрет домового дается в единичных записях: «Встал утром дед пораньше и пошел в конюшню, а посреди конюшни стоит хозяин (домовой), весь в белом и с такой же белой длинной-предлинной седой бородой и начищает лошадь...» [2; 409, № 10]. По древним представлениям, иной мир невидим для живых. Видимость – фундаментальный признак этого мира [12; 203], поэтому рассказчик чаще создает осязаемый образ домового: «...А ночью слышат они, как по полу вроде идет кто и шаркает будто в длинных брюках...» [2; 408, № 9]. Состав мотивов и сюжетов, связанных с домовым, как в Семиречье, так и в Восточном Казахстане ограничен и в целом соответствует общерусской традиции: домовый предсказывает несчастье, душит человека, предвещает переезд, выживает человека из дома, наказывает человека за то, что его не взяли в новый дом, ухаживает за лошадьми. Названные сюжеты варьируют, что позволяет говорить о продуктивности мифологических моделей в современности.

Н. М. Назаренко, исследуя сказочную прозу Казахстана, отмечает, что сам образ черта довольно редко встречается в быличках, чаще это обобщенный образ нечистой силы, вобравший в себя множество народных суеверий [13; 15]. Однако опубликованный материал позволяет говорить о распространенности данной тематической группы. При этом рассказчиком персонаж определяется, в ряде текстов подчеркиваются те детали внешнего облика, которые позволяют его соотносить именно с чертом: «...Одну ночь все от порога до стола ходили, а потом, как от стола до кровати пошли, так я-то их и увидела. Четверо в военном, только рожи черные-черные и рог во лбу...» [1; 195, № 6]. Если персонаж не называется в рассказе, то необходимо учитывать совокупность характеристик. Большинство славянских демонов классифицируется по месту жительства. Черт локально не ограничен. Но поскольку для устной традиции Казахстана не характерен образ лешего, сверхъестественные события вне дома приписываются, как правило, нечистой силе – черту. Действия в сфере дома совершаются домовым. Черт также вмешивается в эту сферу, но если действия домового доброносны или нейтральны, действия черта всегда зловредны.

В суеверных рассказах Семиречья и Восточного Казахстана чаще всего черт имеет антропоморфный облик (мужчины, женщины, военного, умершего (отсутствующего) человека). Локальной особенностью можно считать сюжетный мотив «Черт принимает облик близкого человека (кума, друга героя)». Другие формы перевоплощения нечистой силы – кот, козленок, огненный столб. В записях Северного и Центрального Казахстана их состав более разнообразен. Все эти формы известны в общерусском фольклоре.

Особенностью анализируемой группы быличек является их ярко выраженная нравственно-дидактическая функция. Мифологический персонаж совершает зловредные действия, когда человек нарушает какую-либо этическую норму: мать проклинает ребенка, человек тоскует по умершему родственнику (матери, мужу, сыну). Об этом сообщается в экспозиции рассказа, или причина трагического объясняется после развязки. Например: «А это вот в Аксу случилось. Помер у одной мужик, так вот она об нем тосковала. Тосковала, тосковала и вдруг по вечерам с кем-то разговаривать стала. Все Миша да Миша...» [1; 195, № 7]. В том случае, когда норма (запрет) не формулируется, это становится понятно из характера описания событий. Нормы и запреты могут иметь сугубо бытовой характер. Так,

например, в Семиречье, в Восточном и Северном Казахстане известны былички с общерусским по бытованию сюжетным мотивом, зафиксированным еще в XIX веке в среде уральского казачества [14; 285], – «Черт пристает к пьянице» [1; 196, № 10], [2; 431, № 73].

Самый популярный в Казахстане сюжетный мотив – «Черт ходит к женщине», распространенный и в общерусской традиции. В быличках Северного и Центрального Казахстана нередко умерший муж, приходящий к жене, не воспринимается как нечистая сила (черт), не акцентируется внимание на внешних признаках иномирности (хвост, рога, копыта). Вследствие этого в данных регионах многочисленны записи рассказов о покойниках. В публикациях М. М. Багизбаевой персонаж определяется героями и рассказчиками без сомнения: «Одна женщина мужа похоронила. Прошло время. И вот ночью он стал приходить к ней. <...> Заметила это ее товарка по работе (обе работали кладовщицами). Говорит той женщине: “Что-то ты бледная стала. Скажи честно, к тебе ведь мужик твой, Михаил по ночам ходит. Только не муж это, а черт”» [2; 432, № 74].

Популярный в общерусской традиции сюжетный мотив «Баба принимает роды у жены черта» представлен и в сборнике «Русский фольклор Восточного Казахстана» [2; 428–429, № 66]. Однако данная быличка содержит и другой мотив – «Черт уносит проклятую», и эта контаминация делает рассказ особенно занимательным.

Мотив «Черт женится на удавленнице», известный в Сибири [8; 70], лежит в основе сюжета былички, записанной в Восточном Казахстане [2; 424, № 56]. В других регионах Казахстана он не известен.

Единичны в анализируемых публикациях суеверные рассказы о русалках, о покойниках. В раздел «Былички и бывальщины» включены и рассказы о девичьих гаданиях, что совершенно правомерно, поскольку судьбу гадающим предсказывают представители «чужого» мира.

Среди опубликованных М. М. Багизбаевой текстов встречаются так называемые антибылички. Это рассказы, построенные в рамках жанра, но мифологическая ситуация в них пародируется, ирреальность оказывается ложной [2; 429, № 67; 420, № 48]. Бытование рассказов такой формы убеждает в том, что жанровые особенности былички хорошо известны в регионе.

В разделе «Былички, бывальщины» сборника «Русский фольклор Восточного Казахстана» содержатся тексты иной жанровой принадлежности. Рассказы о колоколах, бьющих по ночам в клубе, в котором раньше была церковь [2; 423, № 53], и об охотнике, который не верит в Бога, но обращается к нему с просьбой и наказывается за это [2; 425–426, № 59], необходимо отнести к легендам, поскольку в них отражаются особенности христианского мировоззрения и ярко проявляется назидательность, свойственная именно этому жанру. Сюжеты, возникшие и опубликованные в советское время, в которых осмысливается кощунственное отношение к вере, ярко иллюстрируют тенденции развития устной прозы. В настоящее время рассказы христианского содержания занимают заметное место в русском фольклоре Казахстана и частично нами уже исследовались [15; 288–295].

Не соответствует жанровой характеристике и текст № 12 из сборника «Фольклор семиреченских казаков» [1; 197]. Быличка отражает языческие воззрения, в ней обязательно присутствует мифологический персонаж. В обозначенном тексте выражена установка на достоверность, герои действуют в реальном мире, рассказ имеет юмористический характер. И он точно так же сигнализирует о развитии

новых жанров устной прозы. В последние годы нами фиксируются целые циклы подобных юмористических нарративов, обладающих всеми признаками фольклорности (устность, традиционность, вариативность). Так, в 2006 году в селе Федоровка Качирского района Павлодарской области в многочисленных вариантах записаны рассказы о бывшем односельчанине Грише Довгале, которые исполнители называют «байками». Данное явление современного народного творчества требует всестороннего исследования.

В разделе «Предания, легенды, притчи» в сборнике «Фольклор семиреченских казаков» содержится 5 текстов (4 легенды, 1 предание), в сборнике «Русский фольклор Восточного Казахстана» – 7 текстов (6 легенд, 1 – предание). В данных разделах более полно представлены легенды разных тематических групп. Среди них выделяются библейские легенды. Как утверждает О. В. Белова, «носители фольклорной традиции демонстрируют не только знакомство с каноническими и апокрифическими сюжетами на темы библейской истории, но и привносят в них черты национального менталитета и элементы архаических верований» [16; 12]. Несмотря на то что герои легенд носят библейские имена, а описываемые события соотносятся с библейской историей, в устных текстах дается ее народная интерпретация, Священная история приближается к современности, соотносится с действительностью: «...А умный человек посадил на ковчег всякой твари по паре. Дождь кончился, и все горы и равнины сели, и снова стало все начинаться. Народу много стало, я сейчас послушу: раскопы, значит, люди жили до нас. И все достают: и посуду, и другое, а откуда все взялось? Когда я маленькая была, в логу нашли древний, трухлявый ковчег...» [2; 433, № 1].

К тематической группе «О святых» (по классификации В. Я. Проппа) [17; 269–300] относится легенда о Касьяне и Николе [2; 435, № 7], к группе «О странствующем божестве» – об ангеле, посланном Богом на землю [2; 434, № 6]. Легенда «Святой Алексей» явно восходит к духовному стиху об Алексее, Божьем человеке. И. К. Феоктистова, не соглашаясь с В. Я. Проппом, видевшим в подобных текстах лишь «разложившиеся духовные стихи» [17; 283], утверждает их соответствие определению жанра легенды [18; 102–105]. Легенды о предсказании будущего соотносятся с христианскими пророчествами [2; 433, № 2; 434, № 4].

Вместе с тем, в рассматриваемых разделах опубликованы рассказы, не связанные напрямую с христианскими воззрениями. Сюжет легенды «Иван-Золотоус» [1; 197, № 1] является вариантом книжного сюжета «Песни про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, в других легендах отражаются взгляды «на жизненную мораль, на нормы жизненного общественного обихода» [17; 297], [1; 198–199, № 3, 4].

Таким образом, в советский период основные тематические группы христианских легенд сохранялись в устной традиции и даже актуализировались. Развитие жанра происходило вследствие влияния книжных источников, разложения других жанров и осмысления актуальных явлений новой действительности.

Предания в сборниках М. М. Багизбаевой единичны [1; 199, № 5], [2; 434, № 3], но их тематика соответствует основным тенденциям развития жанра в современности. Поскольку русское население Казахстана не является коренным, в настоящее время наиболее популярна тематическая группа преданий о заселении и освоении края. В этих рассказах часто содержатся топонимические мотивы: «В 1845 году в верховьях реки жил казахский бай Булень. С одной стороны реки был густой лес. Царское правительство, узнав о плодородной почве Лепсинска, решило

выслать экспедицию. <...> Увидев поднявшихся на гору людей, Булень выслал им навстречу войска с приказом остановить их. Но когда русские показали документы, подписанные самим царем, их пропустили. <...> Река была названа Буленькой по имени бая, а гора на западе – Чатырбаем, по имени бая, враждовавшего с Буленем» [2; 434, № 3].

Во вступительной статье к сборнику «Русский фольклор Восточного Казахстана» говорится о процессах трансформации, «угасания» жанров несказочной прозы, о чем свидетельствует крайняя их малочисленность по сравнению с другими жанрами, различного рода контаминации, переход произведения из одного жанра в другой, образование псевдобыличек [2; 24]. Предпринятый анализ текстов позволяет сделать иные выводы. Состав персонажей, сюжетов и мотивов русской устной несказочной прозы Казахстана отражает особенности бытования общерусской традиции в новых условиях, когда что-то из известного фонда действительно забывается, а что-то распространяется в вариантах, трансформируется, контаминируется, но это естественные процессы, поскольку фольклор – живая, подвижная система. Опубликованный корпус текстов не только ярко иллюстрирует современное состояние прозаических жанров, но и позволяет увидеть основные тенденции их развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков. Ч. 1. Алма-Ата, 1977.
- Она же. Русский фольклор Восточного Казахстана. Алма-Ата, 1991.
- Смирнов Ю. И. Русский фольклор и иные фольклорные традиции // Русский фольклор в иноэтнической среде: изучение и собиране: Тезисы науч. конференции. М., 1991.
- Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Она же. Народные верования и устное поэтическое творчество // Фольклор и этнография. Л., 1970.
- Аникин В. П. Прозаические жанры // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. Н. И. Кравцова. М., 1971.
- Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. Сост. С. Айвазин // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Зиновьев В. П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Отв. ред. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1985.
- Ревуненкова Е. В. Представления о волосах (опыт сравнительно-типологического анализа) // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М. – Л., 1957.
- Цветкова А. Д. Русская устная мифологическая проза Центрально-Северного Казахстана. Павлодар, 2006.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Назаренко Н. М. Несказочная проза в русском фольклоре Казахстана: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.
- Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т. 3. СПб., 1888.
- Цветкова А. Д. Христианские мотивы в русской несказочной прозе Казахстана // Теоретические и методологические проблемы современного литературоведения и фольклористики: Материалы междунар. науч.-теор. конф. Алматы, 2004.
- Народная Библия: Восточнославянские этнологические легенды. Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Пропп В. Я. Легенда // Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998.
- Феоктистова И. К. О жанровой динамике легенды // Народная культура Сибири. Материалы XV науч. семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2006.

